

УДК 93

**Н.А. Коновалова**

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского*

### **ОБРАЗ САМОДЕРЖАВИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ПО ФОЛЬКЛОРНЫМ МАТЕРИАЛАМ**

This publication considers on the basis of folklore materials of representation of Russian peasantry about autocracy as about a principle of the terrestrial device.

Для того чтобы разобраться, как сами крестьяне воспринимали власть над ними, обосновывали её необходимость, есть смысл обратиться к собственно крестьянской культуре, запечатлённой в фольклоре. И хотя, конечно, не стоит абсолютизировать выводы, полученные на основе фольклора, тем не менее нужно учитывать, что фольклор не предлагает человеку готового смысла, он выводит его еще на путь к последнему, предлагая в определённом ракурсе осмыслить свою жизнь. Человек должен сам хорошо потрудиться, чтобы обрести смысл, и работа эта идёт всю его жизнь. Но раз эти тексты и отдельные их элементы встречаются на разных территориях, взаимодействие которых недостаточно для прочного внедрения данных текстов в речевой аппарат, то, значит, они объединяют людей в их взглядах на происходящее.

В фольклоре мы не встретим готового развернутого рассуждения крестьян о царе и о политическом устройстве в целом. Более того, на первый взгляд нет как такового представления о политическом устройстве, есть только царь. Но то, что крестьянин называет «царём», куда глубже, чем личность царя. Однако то, что лежит за «царём», можно увидеть, только разобрав отношение крестьян к «царю», отражённое в фольклоре. Та информация, которую можно вынести из фольклорных текстов, концентрируется вокруг следующих неоднократно повторяющихся по отношению к царю выражений: «Белый царь», «милостивый царь», «царь-батюшка» и др. Это объясняется тем, что крестьянская культура, будучи вербальной (устной), для того чтобы сохранить свои традиции, а значит, и саму себя, вынуждена кодировать, сжимать информацию до максимально возможного предела, чтобы выдать минимальный по объёму текст. Этот минимальный текст называется в семиотике «символом»<sup>1</sup>.

Символ выполняет функцию сохранения в свёрнутом виде обширных и значительных «текстов». Особенность символа в том, что, включаясь в какой-либо сигматический ряд (иначе – контекст), он сохраняет при этом смысловую и структурную самостоятельность. Он легко

вычленяется из семиотического окружения и столь же легко входит в новое текстовое окружение. С этим связана его существенная черта: символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному – горизонтальному срезу культуры, он всегда пронизывает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее (архаичнее), чем память контекста, в который он попадает. Таким образом, кажущиеся простыми символы, применяемые к царской власти, на самом деле несут в себе смысловую нагрузку, понять которую можно из сопоставления, наложения друг на друга тех текстов, в которых они употребляются. Рассмотрим каждый из них.

Один из самых интересных символов царской власти в крестьянской культуре – Белый царь. В рамках жанра исторических песен он употреблялся неоднократно. О важности этого символа, о его фундаментальности в крестьянской культуре свидетельствует факт его применения ко многим русским царям: к Александру II, Александру III и др. В исторических песнях понятие «Белый царь» уже отработано языком на уровне рефлексии, и его пояснение можно найти только в более ранних по культурному происхождению фольклорных текстах. Духовный «Стих о голубиной книге» указывает на религиозный характер понятия «Белый царь» (орфография «Стиха» сохранена в том виде, в каком она приведена в «Собрании песен П.В. Киреевского»):

У нас Белый царь над царями царь  
- Пачаму же Белый царь над царями царь?

- Што велика яво вера крещёная, крещённая, богомольная

Стоит ён за дом Пресвятыя Богородицы –  
Потому Белый царь над царями царь».

[1, с. 12]

Из данного отрывка следует, что **Белый царь** – это православный царь, а его вероисповедание обеспечивает ему преимущество перед всеми царями мира. Л.А. Тульцева отмечает, что по смыслу символ «Белый царь» вытекает из другого символа – «Белый свет» [2, с. 298]. Учитывая это, можно по аналогии допустить следующее: Белый царь – глава Белого света. Для того, чтобы понять, что значит быть главой Белого света, нужно разо-

брать само понятие «Белый свет», точнее, в каком виде оно пребывало в народном представлении. Белый свет – это «твержина, мать-сыра земля, Мать-сыра земля, вся всиленная» [1, с. 13]. Есть где-то в глубине понимание у народа, что Белый свет – это не только видимый материальный мир, но и что-то скрытое, этическое, религиозное. Это отражается в устойчивых речевых оборотах: проклятие «*чтоб тебе Белого света не видать*» считалось одним из страшнейших для человека и означало не физическую смерть, а выпадение из жизни человека чего-то очень важного, существенного. Выражение «*мне Белый свет не мил*» также связывалось (и сейчас связывается) с потерей человеком существенного элемента своего существования, этакой последней ступенью отчаяния человека. К тому же один из вариантов происхождения Белого света («У нас Белый вольный свет зачался от суда Божия...» [3, с. 30]) также указывает на наличие этической стороны этого понятия, как и ещё более древняя привязка Белого света к «твержине, Матери-сырой земле» и через олицетворение последней в православии – с Богородицей.

О положении царя как православного главы земного устройства говорят и поговорки: *Бог на Небе, царь на Земле*. Это не противопоставление, а сравнение, пусть и не одинаковых по силе сущностей, так как Бог имеет власть и над Землёй, и над Небом: «*Бог на Небе, царь на Земле, светится одно солнце на небе, а царь русский на Земле*»; «*без Бога свет не стоит, без царя Земля не правится*».

Единожды в фольклоре даже встретилось обращение к царю (Александру II) «земной Бог»:

Ты наш батюшка, земной Бог,  
Ты лишился своих ног [4, с. 403]!

Всё сказанное свидетельствует о том, что царь, обозначившись крестьянами Белым царём, воспринимался не просто как глава государства, а как глава Земли – это самая фундаментальная его функция. Не стоит усматривать во фразе «земной Бог» еретические попользования со стороны крестьянства, подобную ассоциацию у крестьянина может вызвать его патерналистское мироощущение: домо-строевская формула: «Бог во Вселенной,

царь – в государстве, отец – в семье» работала и в начале XX в. – подмена одного другим была вполне допустима. Так, царь оказывался и «батюшкой», и земным Богом, а Бог со своей стороны – «батюшкой».

Понять, в чём заключалась функция главы Земли, помогает пословица «Царь – пристав Бога на Земле». Словарь В.И. Даля даёт такое пояснение: «пристав – надсмотрщик, надзиратель, смотритель, вообще: должностное лицо, приставленное к чему-либо» [5, с. 445]. А значит, царь – это должностное лицо и не более того (к вопросу о сакрализации личности царя). И как у любого должностного лица у него есть обязанности: так за чем поставлен надзирать, присматривать царь? Логично было предположить, что царь, как пристав Бога, присматривает за тем, чтобы на Земле выполнялись Божьи законы. В свою очередь, Божьи законы понимались не только как 9 заповедей, но более глобально и именовались Правдой (именно с заглавной буквы). Царь как «должностное лицо» должен присматривать за сохранением Правды на Земле, а в случае её уменьшения, исчезновения должен выступать в качестве её творца.

Правда – это категория, необходимая для спасения человека, и для крестьянина глубоко онтологична. В доказательство того, что Правда понимается крестьянином через призму земледелия, есть пословицы, которые говорят, что жить по Правде – значит жить своим трудом: «без труда нет добра» (т. е. Правды). А свой труд – только труд земледельческий: «Бог велел от земли кормиться». Эта мысль подтверждается и другими пословицами: «Человек рождён для труда», «Бог труды любит», «Божья тварь Богу и работает». Крестьянин находит в труде смысл своей жизни, оправдания себя перед Богом<sup>2</sup> в том, что он «не даром небо коптит».

Для того, чтобы выступать в роли блюстителя Правды («пристава Бога»), царь должен иметь большое значение на Земле. Из пословиц выходит, что оно у него есть (данное народом через Бога): «один Бог, один Государь»; «всё Божье да Государево» (другой вариант: «всё во власти Божьей да Государевой»); «Бог батюшка, Государь – дядька»; «никто против Бога да против царя»; «никто, как Бог и Государь»; «суди меня Бог да Государь!».

Другой символ царской власти – «царь-батюшка» – чаще всего фиксируется в исторических исследованиях и выступает в качестве основной характеристики власти в крестьянском представлении. Он говорит о восприятии царя как «большака», который должен нести ответственность за государство (как отец за семью), за своих подданных (как отец за своих детей): делать всё, чтобы обеспечить им возможность достойной жизни. Достойной не столько материально, сколько такой, которая будет безгрешна, будет по Правде. Иными словами, царь должен обеспечить условия труда для оправдания крестьянином себя перед Богом. Г.И. Успенский заметил, что понимание властных отношений у крестьянина идёт именно через его опыт земледельца: «На основании сельскохозяйственных идеалов деревенский человек ценится во всех общественных и частных отношениях; на них построены отношения юридические, а опытом, вытекающим из них, объясняются и оправдываются и высшие государственные порядки». «Курица и та яйца не снесёт, ежели ей корму не дать, а царь за всем глядит (ср. с приставом – Н.К.)... Началась война со славянами, афганцами – опять хоть дело и трудное, но согласное с мирозерцанием Ивана Ермолаевича. ... Афганцев бьют – потому беспокоют... Это хоть бы и у нашего брата доведись... Станут к тебе суседские ребята в огород лазить, капусту воровать – хочешь не хочешь, а должен взять палку и выгнать оттуда...» [6, с. 113–114]. Вот такое понимание царской власти. Приведённая выше пословица «Бог-батюшка, Государь – дядька» также указывает на патерналистское понимание крестьянами государственной власти над собой. И если знаменитый русский философ Н.Ф. Фёдоров понимал идеальное государство как большую семью, делающую общее дело, где «все люди были для нас братьями и сёстрами наших отцов и матерей (дяди и тётки)», то, в общем, это близко крестьянскому, фольклорному, мироощущению.

Действия царя, как в общем-то любого человека, должны соотноситься с Богом, а точнее с Божьими законами, которые, конечно, выше всяких земных правовых установлений. Иными словами, царь действует не как хочет, и, скажем, не по Конституции, а как должен. На наш

взгляд, данные отношения, помимо прочего, зафиксированы в крестьянской культуре с помощью символа «милостивый царь». «Милостивый – добрый, сострадательный, милосердный, снисходительный, благосклонный, ласковый, доброжелательный» – такие пояснения мы находим в словаре Даля [7, с. 326] Этим можно было бы и ограничиться, если бы не следующие пословицы, наталкивающие на идею более глубокого смыслового значения этого символа в понимании крестьянства: *«Бог милостив, а царь жалостлив»; «богат Бог милостью, государь жалостью»; «милует Бог, а жалует царь»; «Бог помилует, так и царь пожалует».* Из этого следует, что миловать – прерогатива Бога, а жалость – царя. Однако есть и пословицы, говорящие о «милостивости» царя: *«нет больше милосердия, как в сердце царёвом».* И всё разъясняется, поскольку *«царский гнев и милость в руке Божьей».*

В связи с этим, необходимо остановиться на таком явлении крестьянской культуры, как милостыня, свидетельствующем, что жалость и милостивость – это явления одного порядка, очень важные для мироощущения крестьянства. В «Стихах духовных» Г.П. Федотов приходит к выводу, что «без милостыни нельзя представить себе русский путь спасения» («Души спасти постом и молитвой, в рай войти святой милостыней»), поэтому к милостыне стремится каждый православный: богатый стремится оправдывать своё богатство подаванием милостыни (вероятно, и меценатство среди русских купцов и состоятельных людей имеет эти же корни)<sup>3</sup>. Каждый человек по мере своих возможностей должен подавать милостыню человеку, испытывающему нужду.

Грех против принципа милостыни, милосердия Г.П. Федотов относит к каритативным грехам, ставя его в один ряд с грехами, нарушавшими принцип любви к усопшим и к нищей братии, действительной любви к Богу. Поясним, «закон любви остается для народа очень важным содержанием закона Христова – лучшим свидетельством его христианства», тогда как «один обрядовый закон без любви не спасает» [3, с. 86–91]. По сути Г.П. Федотов говорит это о социальном грехе. И социальный грех бедных, по его мнению, выражается в нарушении общинной справедливости, в несправедном разделе земли, захвате чужих земель, т. е. и это грех против социальной справедливости. Думается, что, исходя из

всего сказанного, милостивый царь – это царь, следующий Христову закону любви и неразрывно связанной с ней Правде-справедливости. Относительно же «милостивого государя» как «самого общего вежливо-го обращения к кому-либо устно или письменно» (по Далю) заметим: если говорить об официальном обращении к царю, то оно звучит как «Всемилоостивейший Государь». Для крестьян же царь всегда оставался «царём-батюшкой».

Рассмотренные символы царской власти применялись крестьянами в исторических песнях только к тем царям, которые заслужили статус «истинного» царя. В отношении «неистинных» они не «работают»; действительно, их мы не увидели в исторических песнях о Борисе Годунове, Лжедмитрии I. К «неистинному» царю можно применить их только с приставкой «анти»: «антимилостивый» царь – тот, кто нарушает принцип справедливости в государстве, как большой семье. «Антибелый царь» (иначе говоря – «черный») – хотя и глава Земли, но попирающий православные её основы. Царь, к которому крестьянин не применяет символа «батюшка», – это такой царь, который кинул своих «детей» на произвол или забыл, что отеческая любовь должна быть ко всем детям одинаковой.

У крестьян была своя шкала оценки царей, и потому оценки, даваемые царям исторической наукой, не всегда совпадают с оценкой, запечатлённой в исторических песнях. Любопытно, но «тиран и деспот Иван Грозный» остался в крестьянской памяти в виде истинного, православного царя, потому что заботился об укреплении-приращении православной Руси и земли для крестьян и изгонял «изменушку изо всей земли», боролся с боярством, которое зарывалось, забывая, что его богатство не только привилегия, но и обязанность перед государем и перед Богом:

Православный царь Иван Васильевич:  
Он грозён, батюшка, и милостив,  
Он за правду милует, за неправду вешает<sup>4</sup>.

Перечисленные символы царской власти показывают, насколько властному статусу царя отводилось важное место в картине мира русского крестьянства.

Но, кроме властного статуса, который получает человек, находящийся у

власти, существует роль, с этим статусом связанная. К. Дэвис (теоретик функциональной социологической школы) определяет роль как «способ, которым индивид в данный момент выполняет требования своего положения», реализует свой властный статус (цит. по: [8, с. 268]). Способ, которым человек осуществляет свой властный статус, у каждого свой. Тем не менее в людских ожиданиях существует определённый эталон выполнения этих требований. И в зависимости от того, насколько исполнитель роли будет приближаться или удаляться от эталона, зависит степень уважения к нему, т. е. его личный статус. Именно из степени уважения складывается репутация. А поскольку речь идет об уважении не одного, а многих людей, так как было понимание, что «ни солнышку на всех не угреть, ни царю на всех не угодить», то, в конечном счёте, при создании репутации работали критерии, которые были признаваемы важными в общественном сознании, в частности в его локальном варианте – сознании крестьянства. И здесь (ценностно-рациональный тип мышления русского крестьянина) на первый план выдвигаются не столько результаты, которые оцениваемый человек достиг к настоящему времени, сколько то, к чему он стремится, т. е. какие ценности он признаёт и хотел бы реализовать (между тем важнейший признак самодержавной монархии – слиянность идеалов народа и царя, «воплощение» в самодержавии «души народа»). И при таком раскладе, заметим, носители властного статуса всегда располагали на Руси, в России очень сильной презумпцией потенциальной истинности.

На основе репутации складывается личностный статус (статус конкретного царя): он не только не оформлен юридически, но и не институционализирован в конкретных проявлениях, он очень чувствителен к любому колебанию в поведении носителя репутации и может изменяться в зависимости от обстановки.

Государство же в политико-социологическом смысле представляет собой сложно-организованную модель, состоящую из совокупности различных (требующих внутренней глубокой структуризации до выхода на конкретного частного исполнителя) функций, без выполнения которых не может существовать общество [8, с. 270]. Од-

нако если говорить о русском крестьянстве, то разделения функций в их представлении не было: все функции были у царя, ибо «государь-батюшка», «царь-батюшка», «светится одно солнце на небе, а царь русский на Земле» и «всё во власти Божьей, да Государевой», «всё Божье да Государево». Именно властные функции царя в представлении русского крестьянства подвергались сакрализации, а не личность царя, и культ царской личности связан именно с несением им этих функций. Напомним их:

1) «Белый царь» – православный глава Земли;

2) «пристав Бога на Земле» – хранитель и творец правды;

3) «милостивый царь» – справедливый царь (при этом, подчеркнем, содержание Правды, справедливости, милостивости проистекают из крестьянской ментальности – крестьянских архетипов);

4) «царь-батюшка» – отеческое отношение к свои подданным – «детям», забота о них.

Все они представляют собой мерилло, с которым крестьянин подходит к конкретному носителю власти – царю как к исполнителю модели государственного устройства – самодержавия. Ими же крестьянин оценивает действия царя, а не его личность («не всяк царя видит, а всяк его знает», «не всяк царя видит, а всяк за него молит»); и потому то Петр – «Антихрист», то «надёжа-царь» и т. д. и оценки царя его приближённым кругом могут не совпадать с крестьянской оценкой.

Раз царь не просто глава государства – политических институтов, а глава Земли, значит, и самодержавие – это принцип земного, а не просто государственного, устройства. Поэтому самодержавный принцип разрешал провиденциальные противоречия между сущим и должным, между порядком земным и небесным в крестьянском сознании, потому с ним и связан путь к спасению. И потому оправданы «крамольные» в свое время соображения А.Я. Авреха и тем более И.А. Солоневича, негодовавшего относительно трактовок государственности «так, как если бы из-за какой-то таинственной засады эта государственность прыгнула на шею народа и оседала его на одиннадцать веков... как будто бы... не русский народ в беспримерно трагических внешних условиях построил беспримерную по своей прочности и оригинальности государственную

конструкцию.../и/ был только материалом для стройки, а никак не строителем» [9, с. 90].

Не следует ли учитывать сегодня, что крестьянство в самодержавии видело прежде всего не внешнюю его сторону, а то, что соответствует формуле: «государство для народа и, в конечном счете, через народ». Только речь идёт не о власти для народа, а о Правде для народа, не о власти народа, а о Правде, также идущей через народ.

Для крестьянства самодержавие – слияние идеалов народа и идеалов верховной власти. Это способ существования, рассчитанный на достижение (или имеющий шанс обеспечить достижение) вечности, тот способ, при помощи которого каждый человек сможет приобщиться «вечности». Но человек, живущий в таком обществе, не привыкает ли и воспринимать себя с точки зрения вечности? И не есть ли такие религиозно-политические воззрения ценностью, которую невозможно переоценить?

Завершим словами митрополита Иоанна, который говорил о «самодержавии как послушании земном монарха» (да ведь и народа!), имеющем целью создать условия «для реализации миссии народа в мире сем» [10, с. 437–438].

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Символ (от греч. symbolon – опознавательная примета) – это образ, взятый в аспекте своей знаковости, и знак, наделённый неисчерпаемой многозначностью образа. Символ есть образ, в котором всегда присутствует определённый смысл, слитый с образом, но не сводимый к нему (Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2001).
- <sup>2</sup> Первогрех настолько чувствуется крестьянством, что находит отражение в пословицах: «Рождённые во плоти причастны греху», «И первый человек греха не миновал (и последний не избудет), «Кто Богу не грешен, кто бабке не внук?».
- <sup>3</sup> Нищий даже воспринимался как посредник между этим и «тем светом»: согласно славянским легендам, Христос и многие святые часто представляли перед людьми в образе нищего, чтобы испытать их нравственные качества: «просит убогий, а подаёшь Богу», «кого Бог полюбит, нищетою възыщет» (по: Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С 408–409).
- <sup>4</sup> Кстати, народные сказители при этом не утаивают, как позднее: «Уж настали годы злые на московский народ, / Как и стал православный царь грозней прежнего / Он за правду – за неправду вешает...». Но тем не менее – «царь православный» (Собрание народных песен П.В. Киреевско-

го. Тула, 1987. Док. 209. С. 59). Это ещё раз подтверждает мысль Г.П. Федотова, что без милости нет русского пути спасения).

#### ЛИТЕРАТУРА

- [1] Собрание песен П.В. Киреевского: Записи П.И. Якушкина: В 2 т. Л., 1983. Т. 2.
- [2] Тульцева Л.А. Божий мир православного крестьянина // Менталитет и аграрное развитие России XIX–XX в.: Материалы международной конференции. М., 1996.
- [3] Федотов Г.П. Стихи духовные. М., 1991.
- [4] Исторические песни в XIX в. М., 1973.
- [5] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 3 т. М., 1996. Т. 3.
- [6] Успенский Г.И. Крестьянин и крестьянский труд // Успенский Г.И. Власть земли.- М., 1984.
- [7] Даль В.И. Толковый словарь... Т. 2.
- [8] Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
- [9] Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2005. См. также: Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1969. № 2.
- [10] Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Посох духовный: Выбранные места из трудов Архипастыря. СПб., 2000.